УДК 130.2

А.И. ВОРОНОВ, *канд. филос. наук, доцент, voronov.spb@gmail.com*
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

A.I. VORONOV, *PhD in phil., associate professor, voronov.spb@gmail.com*
Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ (ОНТОЛОГИЯ ИСИХАЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИЗМА)

Для европейского гуманизма открывается новая страница его истории посредством ассимиляции философских идей греческого исихазма. Эта концепция открывает человека не как неподвижное человеческое «я», основанное на аристотелевской идее субстанциональности, а как существо (в стиле философствования Гераклита) с вечно подвижными энергиями, формирующими человеческую личность.

Ключевые слова*:* антропология, гуманизм, исихазм, культура, энергия.

ANTHROPOLOGICAL CRISIS: PROBLEMS AND DECISIONS (ONTOLOGY OF HESYCHASM AND HUMANISM PROSPECTS)

The European humanism can have new page of the history, by means of assimilation of philosophical ideas Greek hesychasm. The given concept opens the person not as motionless human «I» based on Aristotel"s idea of substantiality, but as a being (in style of Heraclites philosophy), with eternally mobile energy, forming the human person.

Key words*:* anthropology, humanism, hesychasm, culture, energy.

Идея ценностного, гармоничного человека в философском и гуманитарном дискурсе, едва определившись, обычно сразу же приобретает акцент антропологического кризиса современности с обсуждением возможных перспектив гуманизма в нашем мире. Таким образом, феномен человека является едва ли не центральной проблемой современной философии. Осмысление этой темы с необходимостью выводит философский дискурс к непростой антропологической ситуации, наблюдаемой всяким, прикасающимся к данному вопросу.

Если следовать гуманистической мысли К. Маркса во взгляде на истину, и помнить, что критерием истины всегда выступает практика, то для осмысления феномена человека потребуется обратить самое пристальное внимание именно на практику, начиная с духовных практик древности, в которых феномен человека открывался специфически, и что важно для нашего исследования – в своем возможном пределе. Такой подход можно использовать как методологическую модель, которая, обращаясь к духовным практикам человека, помогает понять сегодняшний антропологический рисунок бытия человека.

С древнейших времен мы видим различные духовные практики: это классическая йога и тантрический буддизм, дзен-буддизм и даосизм, суфизм и исихазм. Глядя на мистерии Древней Греции, мы понимаем, что их театр также был своеобразной формой предельной антропологической практики (ибо зритель, созерцая действо, испытывал катарсис, дававший ему и смысл жизни, и силу жить и творить). Во времена новоевропейской философии функцию духовной практики стала выполнять наука

(адепты которой вели едва ли не аскетический образ жизни, свойственный лишь духовным подвижникам). Базовыми элементами этой практики становились фундаментальные понятия философии Аристотеля, Галилея, Декарта, Канта.

В современном мире, когда постмодерн заполнил почти все ниши классической новоевропейской философии, и многие аргументы, объясняющие человека в мире, практически перестали работать, стала, как мыльный пузырь, надуваться новая парадигма, у которой начало оформляться свое представление о предельных практиках и способе их достижения. Возник порыв новых концепций, подавляющее большинство которых проявило себя маргинальным недоразумением на фоне предшествующей культуры. Так, современными духовными практиками вдруг стали гендерные идеи сексуальных меньшинств, а психоделическая революция со своими духовными практиками вовсе поставила их на поток (когда стало возможным достичь практически любых измененных состояний сознания). Паранаучными практиками становились как холотропная «медицина» Грофа, так и шаманизм Кашпировского или «Дом – один, два, три» (который построил Джек-телеканал), не все ли равно.

Вся эта пестрота практик рождена специфической антропологией, одержимой желанием везде успеть и преуспеть, все попробовать, за все подержаться. Таким образом, феномен современного человека начал помещаться в одной простой фразе – иметь экстремальный опыт (понятно, что методики здесь невообразимо многообразны).

Таким образом, проблема исследования предельного опыта антропологической реальности в прошлом, вполне может стать методикой, которая может явиться деятельным подходом к изучению феномена человека настоящего.

Если мы взглянем, например, на марксистскую трудовую практику, которая по сути есть практика духовная (здесь важно не забыть, что идея, по которой труд превратил обезьяну в человека, совершенно равна идее, что только труд может перевоспитать врага народа), ибо придает смысл жизни. Итак, антропология человека в марксистской парадигме фактически оказывается равной факту и интенсивности трудовой деятельности, и безграничной вере и в этот труд, и в светлое будущее, основанное на этом же труде (удивительный и прекрасный талант Урбанского в фильме «Коммунист» как будто подтверждает эту мысль). Но здесь же у Маркса мы видим и некий предел, некую завершенность этого опыта, если цель уже достигнута.

Зададимся вопросом – случайно ли после данной увертюры марксистской философии (или гуманистической традиции в целом, покорившей Европу в последние века), мы видим столь мощный всплеск современных виртуальных практик. Случайно ли Шпенглер пишет «Закат Европы», и что же он боится потерять, цепляясь за лоскуты уходящей культуры. Неужели Шпенглер страшится той предельности и законченности культуры, которая открывается в атомарных элементах рождающейся цивилизации? Неужели именно так проявляет себя антропологический кризис гуманизма.

Вспоминая античную мифологему о том, что природа не терпит пустоты, мы не должны удивляться тому, что гуманистический период европейской философии, не имея, внутри себя сил и форм разродиться новым самокатарсисом, фактически сдает свои позиции маргинальному фантому виртуального сознания. Произойдет ли в европейском гуманизме «перезагрузка», благодаря рождающейся виртуально-оккультной картине мира «эпохи Водолея», и новому видению человека в ней? Пожалуй, да. Но исцелит ли это гуманистическую культуру новыми позитивными смыслами? Поможет ли это создать новейшие антропологические версии, и не окажемся ли мы вдруг уже в эпохе «постчеловека»? По сути, все это будет зависеть не от маргинально-виртуальных веяний современности, а от тех «хранителей» и «вершителей», которые либо будут способны заново переосмыслить духовные практики, из которых родилась гуманистическая Европа, либо откажутся от попыток

понять и принять то, что уже давно вербализовано, но не освоено европейским самосознанием. Настала пора сказать это страшное слово – исихазм. Психастское открытие человека – это открытие человека не как его сущности в аристотелевском представлении, но человека в его текучих и изменяющихся энергиях. Именно это направление, введенное в европейский гуманизм, может стать форм-фактором обновленной культуры, а не ее маргинальной революции с паранаучными и демоническими картинками.

Хорошо, что после такого страшного слова, можно сказать сладкое слово – свобода, ибо, в конце концов, выбор за нами, и выбор этот – свободный.

Практически все духовные практики знают о том, что есть опасность иллюзорного, ложного опыта, когда человеку кажется, что он движется верно.